

УДК 398.224(=512.37)
DOI 10.25587/z4539-2607-3422-f

Д. В. Убушева
Калмыцкий научный центр РАН

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА В РАННИХ ЦИКЛАХ ЭПОСА «ДЖАНГАР»

Аннотация. Статья посвящена изучению комплекса эпических мотивов, восходящих к образу мифологического героя-первородка и выявлению архаической основы калмыцкого эпоса «Джангара». Цель настоящей статьи – выявить ядерный мотив архаического эпоса – мотив одиночества эпического героя и дать его семантическое описание. Новизна работы заключается в том, что впервые рассматривается весь комплекс мотивов, восходящих к образу героя-первородка. Материалом для исследования являются ранние циклы калмыцкого эпоса «Джангар» – Багацохуровский 1853–1862 гг. и Малодербетовский 1862 г. При анализе применены структурно-семантический, структурно-типологический и сопоставительный методы. Проведен сравнительно-типологический анализ мотива одиночества эпического героя, представленный в нарративе ранних циклов калмыцкого героического эпоса «Джангар» с эпическими системами тюрко-монгольских народов Сибири. Анализ подтверждает, что ранние циклы образованы на ядерных мотивах архаического эпоса предшествовавших традиций. Выявлены типологические параллели с наиболее ранним типом эпического героя как якутский Эр Соготох. Эпические нарративы ранних циклов «Джангара» свидетельствуют, что образ героя-воина Джангара восходит к образу героя-первородка. Установлены общие ядерные образования как одиночество героя, мифологический фон ранних циклов «Джангара», его брачные коллизии и оружие как первообраз – говорящие о несомненной архаичности образа богатыря Джангара. Выявлены как семантические, так и структурные связи. Выявление семантического инварианта мотива и всего комплекса архаического ядерного фонда мотивов ранних циклов эпоса «Джангар» даст возможность для дальнейшего сравнительно-типологического изучения тюрко-монгольского эпического пласта. Систематизация и описание мотивного фонда ранних циклов эпоса «Джангар» позволит включить его в международную систему указателей мотивов. Перспектива изучения архаического мотивного фонда калмыцкого эпоса «Джангар» видится в том, что это позволит проследить развитие эпического жанра. Эволюция древних сказаний о Джангаре как о герое-первородке, пришедшаяся на пору кочевого скотоводческого быта, военных столкновений, привела к переходу от первоначального образа к герою-воину циклизованного героического эпоса.

Ключевые слова: миф, архаический эпос, якутские сказания, эпос «Джангар», ранние циклы, мотив одиночества, герой-первородок, образ Эр Соготоха, образ Джангара, инвариант.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках НИР Калмыцкого научного центра РАН «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ государственной регистрации AAAA-A19-119011490036-1).

D. V. Ubushieva

The motif of loneliness in the early cycles of the *Jangar* epic

Abstract. The article is devoted to the study of a complex of epic motifs that go back to the image of the mythological hero-first ancestor and the identification of the archaic basis of the Kalmyk epic *Jangar*. The purpose of this article is to identify the nuclear motif of the archaic epic – the motif of the loneliness of the epic hero and to give its semantic description. The novelty of the work lies in the fact that for the first time the whole complex of motifs that go back to the image of the hero-ancestor is considered. The material for the research is the early cycles of the Kalmyk epic *Jangar* – Bagatsokhurovsky (1853–1862) and Maloderbetovsky (1862). The

---

УБУШЕВА Данара Владимировна – к. филол. н., с. н. с. отдела литературы и фольклора Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия.

E-mail: bib.danara@yandex.ru

UBUSHIEVA Danara Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, Kalmyk Scientific Center of the RAS, Elista, Russia.

E-mail: bib.danara@yandex.ru

analysis applied structural-semantic, structural-typological and comparative methods. A comparative typological analysis of the loneliness motif of the epic hero presented in the narrative of the early cycles of the Kalmyk heroic epic *Jangar* with the epic systems of the Turkic-Mongol peoples of Siberia is carried out. The analysis confirms that the early cycles were formed on the nuclear motifs of the archaic epic of the preceding traditions. Identified typological parallels with the earliest type of epic hero, the Yakut *Er Sogotokh*. The epic narratives of the early *Jangar* cycles indicate that the image of *Jangar* as a warrior hero goes back to the image of the ancestor hero. Common nuclear formations have been established, such as the loneliness of the hero, the mythological background of the early cycles of *Jangar*, his marriage collisions and weapons, as the primary subject – talking about the undoubtedly archaism of the image of the hero *Jangar*. We revealed both semantic and structural links. Revealing the semantic invariant of the motif and the whole complex of the archaic nuclear fund of motifs of the early cycles of the epic *Jangar* will provide an opportunity for further comparative typological study of the Turkic-Mongolian epic layer. Systematization and description of the motif fund of the early cycles of the epic *Jangar* will allow it to be included in the international system of indicators of motifs. Prospects for studying the archaic motif fund of the Kalmyk epic *Jangar* are that it will allow tracing the development of the epic genre. The evolution of ancient legends about *Jangar* as a hero-ancestor, which fell at the time of nomadic cattle-breeding life, military conflicts, led to the transition from the original image to the hero-warrior of the cyclized heroic epic.

Keywords: myth, archaic epic, Yakut epic, epic *Jangar*, early cycles, motif of loneliness, first-time hero, image of *Er Sogotokh*, image of *Jangar*, invariant.

Acknowledgment: The paper was prepared within the research work of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: transboundary traditions and interactions” (State registration number AAAA-A19-119011490036-1).

Введение

Мифологическая основа калмыцкого эпоса «Джангар» прослеживается в его ранних циклах – Багацохуровском и Малодербетовском. Данные циклы сохранили богатый архаический мотивный фонд, восходящий к предшествующим эпическим традициям и мифологии.

Целью настоящей статьи является выявление ядерного мотива архаического эпоса – мотива одиночества эпического героя и составление его семантического описания. Новизна работы заключается в том, что впервые рассматривается весь комплекс мотивов, восходящих к образу героя-первоуродца. Материалом для исследования служат ранние циклы калмыцкого эпоса «Джангар» (Багацохуровский 1853-1862 гг. и Малодербетовский 1862 г.), для типологического сравнения привлекаются эпические произведения народов Сибири.

Е. М. Мелетинский считает, что «...образы первопредков были древнейшим типом эпических героев не только у якутов, но и в эпосе бурят и саяно-алтайских тюрок» [1, с. 312]. В эпосе тюрко-монгольских народов героями-первоуродцами обычно предстают одинокий герой, брат и сестра, реже – муж и жена как первые люди на земле [1, с. 268].

Изучением мифологической основы эпоса о Джангаре занимались многие исследователи. Г. И. Михайлов посвятил отдельную работу мифологическим мотивам в эпосе «Джангар» [2]. А. Ш. Кичиков обращает внимание на то, что «...слово жаңыр является общим для тюрков и калмыков. В казахском и киргизском жаңыз значит “одинокий”, “единственный”, в калмыцком жаңыр (жаңыр) “сирота”, в шорском чаңыс “одинокий”, в хакасском чаңыс (диал. чалыс) “один”, “единственный”, “одинокий”, в алтайском йаңыс “одинокий”, эр чангыс “один-единственный” (о человеке, не имеющем родных братьев и сестер), в якутском соготох “одинокий”, “единственный”» [3, с. 41]. С. Ю. Неклюдов относит к параллелям с тюркскими сказаниями сюжет сказки «Янгысак и Конгыр-Джан» [4, с. 105-107], который «...отражает несколько иной аспект образа “одинокого героя”, имеющего в своей основе представление о брате и сестре – первых людях» [5, с. 225]. Н. Ц. Биткеевым также рассматривались архаические мотивы эпоса «Джангар» [6, с. 124-134]. Е. Э. Хабунова одиночество эпического героя связывает с обрядовыми традициями, «...появление человека на земле с огнем, с духом огня» [7, с. 28]. Ранее нами были рассмотрены космогонические мотивы в прологах песен Багацохуровского цикла «Джангара», где выделены мифологические архетипы как мировое древо, мировая гора и др. [8], а также выявлен архаический мотивный фонд цикла [9, 10].

Якутским исследователем Н. В. Емельяновым в работе «Сюжеты якутских олонхо» подробно изучены и систематизированы сюжеты 75 олонхо, в которых выделены три сюжетные темы:

«1) олонхо о заселении племенем айыы аймага Среднего мира; 2) олонхо о родоначальниках ураангхай саха; 3) олонхо о защитниках племени» [11], последние, в свою очередь, членятся на самостоятельные подтемы. По данной классификации сюжеты об Эр Соготохе отнесены к ранним типам олонхо о родоначальниках племени *ураангхай саха*. Автор продолжает исследование в работе «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени», где выделяются следующие подтемы олонхо об Эр Соготохе: 1. Живет на земле одинокий богатырь. 2. Достигнув восемнадцати лет, богатырь чувствует внутреннее смятение. 3. Герой узнает, что он потомок верхних айыы и ему предназначено стать родоначальником людей в Среднем мире. 4. Богатырский поход совершается как поездка за невестой, предназначенней герою судьбой. 5. Богатырское сватовство. 6. Борьба с соперником-иноплеменником во время сватовства. 7. Конфликт между соперниками-иноплеменниками, разрешавшийся в богатырском состязании и единоборстве. 8. Герой становится предком якутов [12, с. 7].

Комплекс ядерных мотивов архаического эпоса

Несмотря на то, что эпос «Джангар» представляет героя-воина, в нем также прослеживаются рудименты героя-первородка, который, по мнению Е. М. Мелетинского, является «древнейшим образом фольклора»: «Образ богатыря-первородка зародился еще в фольклоре доклассового общества, в своей исходной форме он древнее не только высших богов тюрко-монгольской дуалистической мифологии, но и развитого шаманизма» [1, с. 314].

Помимо вышеуказанных семантических параллелей имен при дословном переводе, главный герой калмыцкого эпоса, представленный в эпических нарративах ранних циклов «Джангара», имеет параллели как в типологических мотивах, так и в композиционной структурой с архаическими сказаниями об Эр Соготохе как о герое-первородке. Е. М. Мелетинский отмечает, что «...первоначально Эр Соготох было именем не определенного героя, а вообще первого человека на земле. <...> В основе сказаний об Эр Соготохе лежит исконное, первичное представление об одиноком герое, первом человеке» [1, с. 302-304].

Таким образом, по мнению Е. М. Мелетинского, в якутском эпосе наиболее точно распознаются различные черты одинокого героя, которые к тому же объясняются «мифологическим фоном эпических зачинов» [1, с. 299].

Можем отметить, что образ Джангара, представленный в ранних циклах (Багацохуровском и Малодербетовском) калмыцкого эпоса, также обладает чертами героя-первородка. Это проявляется в номинации и постоянном повторении значений *yaqsa* ‘одинокий’ и *öncin* ‘сирота’:

I песнь¹ Багацохуровского цикла (далее – БЦ) – 7² (27) *iyēn* 8 (1) *dēdū boqdo jangyar: yazar dunda yaqsa* (2) *genei: yalba dunda öncin genei* [13, с. 7-8] ‘В поколениях верховный богдо Джангар / На всей земле один, говорят, / Во всей вселенной сирота, говорят’³;

I песнь Малодербетовского цикла (далее – МЦ) – 37 (7) *yal dērēn yaqsa bilebi: yazār dērēn öncin* (8) *yaqsa xāñ jangyār gedeq kūn bi* [14, с. 37] ‘У своего очага один был я, / На всей земле сирота. / Одинокий Джангар – звать меня’.

Более того эту связь поддерживает и мифологический фон эпических прологов. В прологах к данным циклам выделяются мифологические архетипы, как дерево, гора, столб, дворец, являющиеся символами «оси мира» и демонстрирующими архаические воззрения и древнюю картину мира калмыков. Джангар, как и Эр Соготох и Аламжи-Мерген, является творцом прекрасной страны, расположенной в центре земли, дворца, являющегося пупом земли, что ассоциируется с местом «начала творения». Роль Джангара как творца определена по умолчанию, как объясняет Е. М. Мелетинский, «...миротворение героя в эпосе сохранилось только в виде общей описательной формулы в зачине, а конкретные космо- и антропогонические сюжеты в форме религиозных легенд совершенно отделились от эпоса» [1, с. 316].

¹ Ранние записи песен даны без названий, для удобства здесь и далее будут использованы принятые сокращенные названия. Цифрами обозначены песни Багацохуровского цикла: I – «О Замбал-хане», II – «О Хара Кинесе», III – «О Шара Мангасе» и Малодербетовского: I – «О Свирепом Шара Гюргю», II – «Об Уту Цагане», III – «О Кюрел Эрдени».

² Первая цифра обозначает номер страницы в рукописи. Вторая цифра, помещенная в круглые скобки, обозначает номер строки на странице.

³ Здесь и далее – перевод автора статьи.

Единственным отступлением от параллелей с якутским эпосом является отсутствие в проглогах ранних циклов калмыцкого «Джангара» развернутого описания эпического времени в его «эмбриональной форме». Как таковое эпическое время обозначается в циклах «простыми формулами» *erten iken caqtu* ‘в давние, начальные времена’, *erte uridu* ‘давно, прежде’ непосредственно в моментах, связанных с мифологическим началом времен.

Другим посылом, относящим Джангара к первому человеку, является его одиночное странствие, которое можно рассмотреть как удаленность Джангара от людей, соотносимое с началом времен – «симметричность молодости героя и молодости всего мира» [15, с. 138]. Е. М. Мелетинский уточняет, что «... объяснение одиночества героя удаленностью от других людей <...> есть результат забвения первоначального смысла одиночества» [1, с. 301].

В ранних калмыцких циклах «Джангара» эта удаленность обусловлена странствием в поисках суженой и продлению рода:

III песнь БЦ – 39 (26) *erten iken caqtu tere mangyos xān nartu delkēn* (27) *oriyigi nayiman jīldu ergejī yabutalai mini* [16, с. 39] ‘В древние, начальные времена, / Тот мангас-хан, когда я восемь лет странствовал по всему свету’;

I песнь МЦ – 32 (15) *erten iken caqtu ene bumban oroni* (16) *tungxin caqtu aldūluqsan ezen noyon* (17) *jāngyār nige yutin-du kürēd ēigi ügei šil-* (18) *belzeqsen zērdīn šilmin ulān ökön tasartal* (19) *züleđ odba:* [14, с. 32] ‘В древние, начальные времена, / Во времена, когда эта Бумбайская страна была еще прозрачной, / Хозяин нойон Джангар еще не до чего не добрался, / А у проворного Зерде не осталось и следа от красного жира, / Он все еще странствовал’;

III песнь МЦ – 55 (2) *ezēn nayan boqdo* (3) *zarliq bolba: erten iken caq-tu: ejim* (4) *ügei kōdō caq-tu: dordin dolon oro* (5) *nomdan oruulad: külüq mōran mina zoboři:* (6) *kubčin mini čilaři: xarijī yobolai bi* [14, с. 55] ‘Хозяин, святейший князь огласил: / – В древние, начальные времена, / Когда все еще было безжизненным, все было безлюдной пустыней, / Нижних семь стран завоевал, / Скакун мой изнурился, / Сила моя закончилась, / Я возвращался домой’.

В Багацохуровском цикле причина столь долгого странствия Джангара не указана, но в Малодербетовском цикле данное восьмилетнее странствие раскрыто более детально и сводится к поискам суженой и продлению рода:

I песнь МЦ – 37 (7) *yal dērēn yaqsa bilēbi: yazār dērēn öncin* (8) *yaqcasān jāngyār gedeq kīn bi jīrayalini mini* (9) *dutuni či bilēči: čamat xaiyād yaralābi:* (10) *ara bumbān orarān dolid abasun yupiñxūn* (11) *ulān šobsūr mini gēd* [14, с. 37] ‘У своего очага одинок был я, / На всей земле сирота. / Одинокий Джангар – звать меня. / В жизни моей не хватало только тебя. / И странствовал я, в поисках тебя. / Я выменял тебя на свою страну Бумбу, мой Трехлетний Алый Шовшур’.

Такая же мотивация отмечена Е. М. Мелетинским и в якутских сказаниях, «...в тех случаях, когда в олонхо герой рассматривается как первый человек, поиски невесты мотивируются желанием иметь подругу, как у всех живых существ, и продлить человеческий род» [1, с. 268].

Следовательно, женитьба, приходящаяся на начало сотворения мира, также говорит о герое, как о первопредке:

II песнь БЦ – 28 (2) *erte uridu ezen jāngyār: ene gerenjīlēn abaxu caqtān* [16, с. 28] ‘В давние, начальные [времена], когда хозяин Джангар эту свою Герензел брал [в жёны]’.

Следует отметить, что суженой Джангара в Багацохуровском цикле является дочь хозяина Водного мира:

II песня БЦ – 5 (29) *naiman mingyan lūbsarayān ezen gūši zamba xāni kākken* [16, с. 5] ‘Хозяина восьми тысяч лубсурга, Гюши Замба хана дочь’.

В эпическом сюжете брак героя с хтоническим существом проявляет аналогию с мифологическими сюжетами. В мифологии «...хтонические животные связаны с глубинами земли, корнями мирового дерева, началом творения. <...> Брак героя с хтонической богиней означал овладение землей (страной)» [17, с. 671]. Если рассматривать брак с хтонической представительницей как овладение пространством, то проявляется мифологическая основа эпоса – защита космоса от хаоса, т. к. хтонические существа являются олицетворением хаоса.

Хтонический образ суженой Джангара свидетельствует об архаических представлениях калмыков о мироустройстве, как пишет Е. М. Мелетинский, «...согласно первобытному

миропониманию различные “миры”, в частности Верхний и Нижний, качественно однородны, и люди при жизни могут переходить из одного в другой» [1, с. 315].

Отличительной чертой Джангара как героя-первопредка являются его медиативные (посреднические) функции между различными мирами. Выше обозначена связь Джангара с Нижним миром посредством брака с представительницей хтонического мира, но отношение Джангара с Верхним миром прямое, непосредственное.

Г. И. Михайловым подробно рассмотрен мотив трехмирья в «Джангаре» и выявлено, что «… небесный мир в свое время находился в центре внимания тех, кто создавал древние мифы» [2, с. 4]. Исследователем также отмечено, что «… небесные персонажи, оказывающие помощь Джангар-найону, являются представителями области добрых тэнгриев, а персонажи типа Шара-Гюргю связаны с областью злобных тэнгриев» [2, с. 6]. Развивая данную мысль, следует отметить, что в Багацохуровском цикле Джангар прежде чем взять Герензел в супруги, сражается с небесным представителем, с сыном Тенгрия, и одерживает победу над ним:

I песня БЦ – 16 (13) *tenggerin* (14) *köbün burxan cayānigi dolon mingyan* (15) *bātartaigini alj* *orkōd* [13, с. 16] ‘Сына Тенгрия Бурхан Цагана / Вместе с его семью тысячами богатырями убив’;

II песня БЦ – 5 (30) *tenggerin köbün burxan cayān gedeq* 6 (1) *bātur: abn gejī baqseni alj* *orkōd: naiman mingyan bāturi* *nī koldēn mürgüllēd* [16, с. 5-6] ‘Сына Тенгрия / Богатыря, именуемого Бурхан Цаган, / Который чуть было не взял в жены / Убил, восемь тысяч его богатырей, / К ногам преклонив’.

Следовательно, сражение с небесным представителем не исключает небесного происхождения Джангара, которое обозначено Г. И. Михайловым при параллели с монгольским эпосом: «… в песне “Ноён Жанравай-хаан” говорится, что Цас Чихэр небесный является старшим братом Жанравай-хаана» [2, с. 16].

Если учесть, что ранние циклы калмыцкого эпоса основаны на мифологических архетипах и архаических ядерных мотивах, восходящих к предшествующим эпическим формациям, то нельзя не заметить связь персонажей «Джангара» с эпическими героями монгольских народов, которые считаются «порождением земных и небесных сил».

Следующим элементом, также говорящим о Джангаре, как о первопредке, по нашему мнению, является его копье. Как пишет Е. М. Мелетинский, «… мифическая эпоха – это эпоха первопредметов и первов действий: первый огонь, первое копье, первый дом и т. п.» [18, с. 173].

Копьё Джангара, по нашему мнению, есть первопредмет. Во II песне «О Хара Кинесе» раннего Багацохуровского цикла представлен эпизод с поломкой и починкой копья Джангара:

II песня БЦ – 33 (3) *kökö darxan keljī baini <...>* (7) *armān abči iriči gebe: angxan teriündü cini yunun nastai caqtu* (8) *eceke cini üzang mala aldar xān: armčin nadār kegilekūdēn: arban xoyor dabxaraqsan* (9) *sire širelgedüni kie oroqsan bilē: dōčin tabun fil bolōd: düber xara kineslei* (10) *keldükü caqtucin: dunduki širegēren tas tusaxu bilē gebe:* [16, с. 33] ‘Кузнец Кёке говорит: / <...> / Принеси своё копьё! – сказал. – / В давние начальные времена, когда тебе было три года, / Отец твой, Узюнг Мала славный хан, / Когда твоё копьё мною изготавливал, / Тогда между двенадцати слоями / При ковке воздух прошел, / Через сорок пять лет, / Во время сражения с Хара Кинесом, / По средней спайке должно было сломаться, – сказал’.

Из примера следует, что копье было изготовлено кузнецом Кёке в начальные времена (*angxan teriündü*) и починить его мог только тот, кто его изготовил. Как известно, в мифологии кузнецы предстают культурными героями, дарующими блага. Следовательно, копье Джангара, как и оружие Эр Соготоха, было изготовлено как первопредмет. Е. М. Мелетинский подчеркивает, что в ранних сказаниях об Эр Соготохе он сам строит себе жилище и «… только оружие было выковано не им, а кузнецом Чемчерионкан-Кырбитаном» [1, с. 301].

О том, что кузнец является представителем иного мира, а именно Верхнего, свидетельствует его имя – Кёке («синий, небесный»), восходящее к древнемонгольскому *хөх тэнгэр* ‘синее небо’, а также перевоплощение Джангара, которое обусловлено вынужденным переходом Джангара в Верхний мир для починки своего копья у кузнеца Кёке:

II песня БЦ – 32 (19) *aldar jang-* (20) *yarien biyeni: arban nastei köbün bolji xubilēd:* [16, с. 32] ‘А сам славный Джангар десятилетним мальчиком обернулся’.

С. Ю. Неклюдов связывает превращение героя в паршивого мальчионку с обрядом инициации: «... превращения героя в паршивого мальчишку или в старика, когда он подъезжает к ставке врага или к абсолютно подобной ей ставке своего будущего тестя, заключает в себе тот же параллелизм детства и старости, переходный этап между небытием и бытием человека; герой воспринимается как полуживой» [5, с. 97].

Следует заметить, меч богатыря Хонгора также изготовлен кузнецами Кёке и Мала, что соответствует «взаимозаменяемости» Джангара и Хонгора, а также может быть косвенным подтверждением представления о них как о брате и сестре – первых людях:

І песня БЦ – 18 (7) *bariqsan ildüni dokin del-* (8) *dakin: dolñ oroni šulmu doro dorõn* (9) *doroitudaq: zangyad orkixuni zär* (10) *tübün oron doqdoldoq: koqšin kökö* (11) *darxan kütçin keqsen: köqšin mala darxan* (12) *dabtaqsan* [13, с. 18] ‘Меч, что держит в руках, если вниз опустит, / Шулмасы семи стран пресмыкаются. Если взмахнет им, то все страны материка сотрясаются. Старый кузнец Кёке выковал, Старый кузнец Мала отлил’.

Также явно прослеживается роль кузнеца как создателя первого копья – оружия Джангара и в раннем Малодербетовском цикле:

ІІ песня МЦ – 34 (20) *jangyar* (21) *yuu xailete: jide mini xuyur-* (22) *jı odolai: jida xaibaba:* (23) *ecegeçin kezenei küdür şara* (24) *mangysala daildañi yobod nige* (25) *jida abasani* [нрзб.] *dunduni* 35 (1) *belen agir zandan jida yarşad ögöbe* [14, с. 34-35] ‘Джангар, что ищете вы? – [спросил кузнец]. / – Мое копье сломалось, ищу копье. / – В давнее время, когда ваш отец с Кюдер Шара мангасом сражался, / Одно копье взял [нрзб.] посередине / Готовое сандаловое копье вручил [Джангару]’.

Отступлением от эпизода из предыдущего цикла является локализация кузнеца в Нижнем мире, следовательно, персонаж является хтоническим существом:

ІІ песня МЦ – 34 (3) *naran oroxu* (4) *üzeg temced yarba: basa keseg* (5) *caqtu gülged orkoba: gül-* (6) *geji yobun geküni barun dörö doroni:* (7) *alaxu döñ xoyerin aie yarad* (8) *bainai: asir ulan nuker gülged* (9) *orod odoba: orod odon gekuni:* (10) *taban mingyan bätür kobüd zer* (11) *zebe kelged yarad baixuni: taban* (12) *mingyan bätür kobüd oröd baixuni* (13) *cal bürül üsütei cayän öbögön* (14) *ked bainei* [14, с. 34] ‘В сторону захода солнца направился. / Долго, очень долго скакал. / Когда так скакал, / Из-под правого стремени / Послыпался звук молота и наковальни. / [Джангар] в страшную красную яму забежал. / Когда спустился, [увидел]: / Пять тысяч богатырей-юношей / Оружие изготовив выходят. / Пять тысяч богатырей-юношей входят [за оружием]. / Седой старец-[кузнец] / Это [оружие] кует’.

Несмотря на различную локализацию кузнецов в двух циклах, основной смысл не нарушен, кузнецы являются обитателями иного мира и создателями первопредмета.

Заключение

Таким образом, нарративы ранних циклов «Джангара» свидетельствуют, что под одиночеством Джангара скрывается образ героя-первопредка. Сказитель отождествляет его с первым человеком на земле, а мнимое сиротство является вторичным мотивом по отношению к мотиву одиночества. По мнению Е. М. Мелетинского, «... стремление объяснить одиночество героя привело в ряде случаев к введению мотива сироты, который вырос без отца (убитого врагами) и впоследствии выполняет долг родовой мести» [1, с. 297]. Эволюция древних сказаний о Джангаре как о герое-первопредке, пришедшаяся на пору кочевого скотоводческого быта, военных столкновений, привела к переходу от первоначального образа к герою-воину циклизованного героического эпоса. В ранних циклах Джангар является героем-первопредком, а его отъезд из дома (переход во взрослуую жизнь) связан со сватовством. В поисках своей суженой, которая является представительницей хтонического мира (Багацохуровский цикл), Джангар выходит за пределы своего локуса, что равнозначно первому подвигу героя. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «... образы этих мифологических (по генезису) героев несут в себе эпическое начало, поскольку мифологическими средствами выражено в фольклоре общеноародное значение событий и действий героя, хотя при этом деятельность героя имеет сугубо воинский характер, а сюжеты – черты сказочных приключений» [1, с. 319]. Одиночество Джангара, мифологический фон ранних циклов «Джангара», его брачные коллизии и оружие как первопредмет – говорят о несомненной архаичности образа богатыря Джангара, как и алтайского богатыря Кан Кеса, бурятского Аламжи Мергена и якутского Эр Соготоха.

Литература

1. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная лит-ра, 2004. – 462 с.
2. Михайлов Г. И. Калмыцкий «Джангар» и мифы // Вестник института. Серия джангароведения. – 1976. – № 14. – С. 3-27.
3. Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1976. – 154 с.
4. Малов С. Е. Язык желтых уйголов. – Москва : Наука, 1967. – 219 с.
5. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. – Москва : Индрик, 2019. – 592 с.
6. Биткеев Н. Ц. Эпос «Джангар». 2-е науч. изд., доп. – Элиста : НПП «Джангар», 2006. – 352 с.
7. Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар» : поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 256 с.
8. Убушиева Д. В. Космогонические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. – 2018. – № 3 (46). – С. 35-45.
9. Убушиева Д. В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. – 2019. – № 1 (48). – С. 57-69.
10. Убушиева Д. В. Элементы архаики в эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. – 2019. – № 4 (51). – С. 73-81.
11. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва : Наука, 1980. – 375 с.
12. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – Москва : Наука, 1990. – 207 с.
13. Песни и сказки калмыцкого народа Астраханской губернии Багацохуровского улуса // Научный архив Русского географического общества. – Оп. 1. Р. 53. Д. 15. – Л. 1-30.
14. Джангар (список М. Дербетовского улуса) // Рукописный отдел Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – Calm. С. 4. Ед. хр. 1834. – Л. 1-67. (На ойратском яз.).
15. Неклюдов С. Ю. «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования. Сборник статей, посвященных памяти академика Н. И. Конрада. – Москва : Наука, 1974. – С. 129-140.
16. Джангар // Рукописный отдел Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – Calm. С. 17. Ед. хр. 1770. – Л. 1-28. (На ойратском яз.).
17. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.
18. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд., репр. – Москва : Восточная лит-ра, 2006. – 407 с.

References

1. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaicheskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moscow, Vostochnaya lit-ra, 2004, 462 p. (In Russ.).
2. Mikhailov G. I. *Kalmytskii "Dzhangar" i mify* [Kalmyk “Jangar” and myths]. In: *Vestnik instituta. Seriya dzhangarovedeniya* [Herald of Institute. Series Jangar Studies]. 1976, No. 14, pp. 3-27. (In Russ.).
3. Kichikov A. Sh. *Issledovanie geroicheskogo eposa "Dzhangar"* (Voprosy istoricheskoi poetiki) [Study of the heroic epic “Jangar” (Questions of historical poetics)]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1976, 154 p. (In Russ.).
4. Malov S. E. *Yazyk zheltykh uigurov* [Language of yellow Uygurs]. Moscow, Nauka, 1967, 219 p. (In Russ.).
5. Neklyudov S. Yu. *Fol'klornyi landshaft Mongolii. Epos knizhnyi i ustnyi* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic]. Moscow, Indrik, 2019, 592 p. (In Russ.).
6. Bitkeev N. Ts. *Epos "Dzhangar"* [Epic “Jangar”]. 2-е науч. изд., доп. Elista, NPP “Dzhangar”, 2006, 352 p. (In Russ.).
7. Khabunova E. E. *Geroicheskii epos "Dzhangar": poeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo tsikla (sравнительное изучение национальных версий)* [Heroic epic “Jangar”: poetic constants of the heroic life cycle (comparative study of national versions)]. Rostov-na-Donu, Izd-vo SKNTs VSh, 2006, 256 p. (In Russ.).

8. Ubushieva D. V. *Kosmogonicheskie motivy v prologe eposa “Dzhangar”* [Cosmogonic motifs in the prologue of the epic “Jangar”]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological herald]. 2018, No. 3(46), pp. 35-45. (In Russ.).
9. Ubushieva D. V. *Motivy “tuul'-uligera” (arkhaicheskogo eposa) v geroicheskem epose “Dzhangar”* [Motifs of “tuul-uliger” (archaic epic) in the heroic epic “Jangar”]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological herald]. 2019, No. 1(48), pp. 57-69. (In Russ.).
10. Ubushieva D. V. *Elementy arkhaiki v epose “Dzhangar”* [Archaic elements in the epic “Jangar”]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological herald]. 2019, No. 4(51), pp. 73-81. (In Russ.).
11. Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980, 375 p. (In Russ.).
12. Emel'yanov N. V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemen* [Plots of the olonkho about the patriarchs of tribes]. Moscow, Nauka, 1990, 207 p. (In Russ.).
13. *Pesni i skazki kalmytskogo naroda Astrakhanskoi gubernii Bagatsokhurovskogo ulusa* [Songs and fairy tales of the Kalmyk people of the Astrakhan province of the Bagatsokhurovsky district]. In: *Nauchnyi arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Scientific archive of the Russian Geographical Society]. Inv. 1. R. 53, case 15, sh. 1-30. (In Russ.).
14. *Dzhangar (spisok M. Derbetovskogo ulusa)* [Jangar (list of M. Derbetovsky district)]. In: *Rukopisnyi otdel Biblioteki Vostochnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Manuscript Department of the Library of the Oriental Faculty of Saint Petersburg State University]. Calm. C. 4. Storage unit 1834, sh. 1-67. (In Oirat).
15. Neklyudov S. Yu. “*Geroicheskoe detstvo*” v eposakh Vostoka i Zapada [“Heroic childhood” in the epics of the East and West]. In: *Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Sbornik statei, posvyashchennykh pamyati akademika N. I. Konrada* [Historical and philological research. Articles collection dedicated in memory of academic N. I. Konrad]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 129-140. (In Russ.).
16. *Dzhangar* [Jangar]. In: *Rukopisnyi otdel Biblioteki Vostochnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Manuscript Department of the Library of the Oriental Faculty of Saint Petersburg State University]. Calm. C. 17. Storage unit 1770, sh. 1-28. (In Oirat).
17. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Gl. red. E. M. Meletinskii. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1991, 736 p. (In Russ.).
18. Meletinskii E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. 4-e izd., repr. Moscow, Vostochnaya lit-ra, 2006, 407 p. (In Russ.).